

Вероника ВОРОНИНА

Родилась в г. Сарове Нижегородской области, Окончила журфак МГУ, получила дополнительное психологическое образование. Трижды делала доклады для конференций и семинаров Института этнографии и антропологии РАН.

Научные статьи публиковались в альманахе «Архетипические исследования», журнале РАН «Медицинская антропология и биоэтика», в сборнике статей ИЭА РАН «Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем».

Проза печаталась в альманахе «Ни два ни полтора», журналах «Нижний Новгород», «Литерра Нова», коллективных сборниках.

Живет в Люберцах.

ГОРЬКАЯ РЯБИНА

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина,
Головой склоняясь до самого тына?
А через дорогу, за рекой широкой
Так же одиноко дуб стоит высокий...

Эту песню Надюша впервые услышала от бабы Оли.

По совпадению у их подъезда лишь одна-единственная рябина и росла. И то ли от такой наглядности, то ли от подрагивания голоса бабы Оли становилось так горько, что слезы подкатывали к горлу. И Надюша называла эту песню «Горькая рябина».

В начале восьмидесятых Надюше было пять, а бабе Оле за восемьдесят – ровесница века.

...Как бы мне, рябине, к дубу перебраться?
Я тогда б не стала гнуться и качаться.
Тонкими ветвями я б к нему прижалась
И с его листвою день и ночь шепталась...

Годы спустя Надя узнала о молодости бабы Оли. Тогда еще никакая не баба, а просто Олюшка вышла замуж в 1917-м по большой любви. Но с началом Гражданской войны ее Пашенька ушел на фронт и не вернулся. Меньше года они были вместе. Больше Ольга замуж не выходила. Став старше, Надя понимает: баба Оля многие годы продолжала горевать по милому своему Пашеньке.

Но нельзя рябине к дубу перебраться.
Знать, ей, сиротине, век одной качаться.

И каждый раз в звуках «Рябины» взрослая Надя слышит то, что бездумно ощущала в детстве: похоронный плач – историю женщины, потерявшей возлюбленного. «Гнется и качается» она, конечно, от горя. А «широкая река», без сомнения, та самая, что разделяет в сказках и преданиях тот и этот свет.

Вскоре после гибели мужа Ольга получила серьезное увечье. На ткацкой фабрике рука попала в станок. Кость срослась неправильно, и работать как прежде молодая женщина уже не могла.

Родственники – семья младшей сестры – взяли ее, как говорилось, «на иждивение». На практике это означало обстирывание всей семьи, готовку и уборку, несмотря на увечную руку. После смерти сестры, Надиной прабабушки, баба Оля переехала жить к одной из ее дочерей, бабушке Нади, и занималась теперь ее домом и хозяйством, растила ее детей.

Надя помнит бабу Олю тихой старушкой в черном или темно-коричневом, уголки губ всегда опущены. Она закалывала волосы гребнем с обломанными зубцами и никогда ничего не просила, даже если нуждалась.

Баба Оля жила в каморочке два на три метра. Там помещались лишь кровать и старый облезлый шкаф.

Всегдашняя забота бабы Оли о родственниках к добру не привела: к ней относились высокомерно и грубо, как к прислуге, человеку второго сорта, хотя весь дом держался именно на ней. Надя вспоминает, что на бабу Олю могли сорваться и накричать просто так, чтобы выплеснуть раздражение. Ее забота и помощь не просто принимались как должное, но даже требовались. Между тем, если она не могла быть чем-нибудь полезной, о ней просто забывали, как о вещи, убранный в шкаф.

Вряд ли баба Оля ела досыта. Надя закрывает глаза и видит ее вечную гречку на завтрак, обед и ужин. Единственное лакомство – сухарики к чаю. Когда семья варила курицу, бабе Оле перепали лишь шея и потроха. Пятилетняя Надюша однажды из любопытства захотела попробовать эту куриную шею на вкус. И лишь потом поняла, что из-за нее бабе Оле не досталось вообще ничего.

Надя не помнит, чтобы праздновали день рождения бабы Оли, вообще когда-либо дарили ей подарки или просто проявляли заботу и благодарность.

А когда баба Оля заболела – кормила голубей на подоконнике и подцепила какую-то птичью заразу, – прежде, чем отвезти к врачу, на нее снова накричали: за то, что посмела побеспокоить, отвлекла от важных дел. Заступиться за нее было некому.

И однажды баба Оля выпила уксус...

Потом вся родня повторяла, что дело в старческом маразме. Но Надя плачущим сердцем знает: бабе Оле было с ними так плохо, так плохо, что уксус стал лучшим решением. Просто никому не хотелось это признавать. И с ней, Надей, бабе Оле тоже было плохо. Поэтому что и она, пятилетняя, повторяя за старшими, порой вела себя жестоко.

* * *

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...

Когда старую рябину срубили, двор осиротел. Надежда едет в питомник и покупает два саженца, прикапывает под окнами рябину и дуб. Пусть хотя бы здесь не будет горечи.

И отправляется на ежедневный обход.

Анна Михайловна тихо угасает в своей постели. Ей нужно совсем немного: горячая еда и несколько добрых слов. Надя варит для нее борщ. Сергей Петрович держится бодрячком, хотя и передвигается только с ходунками. Он сам о себе заботится, даже готовит. Только ноги все время мёрзнут – Надя несёт ему носки из верблюжьей шерсти. И принимается за уборку. А есть ещё Антонина Петровна, Елена Дмитриевна и другие.

И из каждого дома, из каждой квартиры – отовсюду, где находит, а ищет она ох как старательно – Надежда обязательно забирает уксус.